

Вас люблю

После Никулина мир стал иным

Даже в Гостиной «ОГ» на Кузнецком нечасто случаются вечера, которые нельзя пересказать. Их смотришь с начала до конца затаив дыхание. Нет лишних слов, лишних выступлений — все к месту: и смех, и слезы, и раздумье, и песня, и анекдот. Таким был вечер, приуроченный к 77-му дню рождения Юрия Никулина. Но таким ведь был и сам Юрий Владимирович.

Егор ЯКОВЛЕВ:

— Ровно два года назад, на одном из первых вечеров в нашей Гостиной, мы праздновали юбилей Никулина. Юрий Владимирович был, как всегда, весел, общителен. Когда мы ему надели, он подошел к окну и сказал: «Странно. У Абрамовичей тоже были сегодня гости, но у них уже темно». На этой шутке мы и расстались. Как оказалось, навсегда. Давайте сначала помянем его, а потом начнем разговаривать.

Григорий ГОРИН:

— Прощу простить меня, что ввязался вести этот вечер, поскольку вижу здесь много замечательных людей, знавших Юрия Владимировича и дольше, чем я, и с самых неожиданных сторон. У его таланта и человеческого обаяния было столько граней, что у каждого найдется особая черта, которую он захочет вспомнить. И это будет способ не столько поддержать ореол, окружавший Никулина, сколько подтвердить, что мы не забываем добро, которое этот человек сделал всем нам.

Владимир ЭТУШ:

— Я познакомился с Юрием Владимировичем в Ялте, где снималась картина «Кавказская пленница». Без тревоги встретился со своими товарищами по картине. Я понимал, что попадаю в общество прославленных комиков и пропаду, если буду играть в их манере, буду смеяться вместе с ними. Юрием трюками, на которые он был неистощим, — с кепками, баранками, падающими на голову, с чесанием ноги, далеко отстоящей от туловища. Я решил не комиковать, а играть на контрасте — реалистически. И, наверное, не ошибся, если мы с Юрием поняли друг друга и подружился. Мы встречались нечасто, каждый был занят, но это были радостные, светлые встречи. Лет пять назад я как-то ему сказал: «Юра, мальчик мой, здравствуй». Это его так обрадовало, что дальше общение так и шло: «Ну как ты, Володя, мальчик?» Популярность всего с ним связанного была необычайной. Как-то, выступая на телевидении в мой день рождения, он подарил мне бутылку водки. Много спустя, идя куда-то в гости, я взял из припасов бутылку, поставил ее там на стол, и вдруг все гости замолчали, и кто-то спросил: «Извините, а это не та водка, которую вам подарил Никулин?» Он был необычайно добрый и отзывчивый человек. Как-то в разговоре я ему пожаловался, что со мной не все в порядке, и уже через десять минут мне позвонили из больницы и сказали, что я могу приехать к ним. Может, поэтому я еще здесь и сижу. Светлая и добрая ему память.

Лев ДУРОВ:

— Без Никулина мир стал и беднее, и скуднее, и скуднее. В нем поражающе соединение великой актерской славы и невероятной его приземленности. Мы праздновали 40-летие Театра на Малой Бронной. Я пригласил Никулина, а его все нет, я хожу за кулисами, волнуясь. Вдруг в середине вечера появляется Никулин, весь в снегу, в каком-то невероятном послеполночном пальто с журавлиным воротником и с собачкой. «Где это... что же он... меня не пригласили? Или сюда...» — зовет собачку, она садится с ним рядом. — У нас с этим театром большие связи. Моя собачка всегда ходит писать к ним под лестницу. И ушел. После чего вечер практически кончился. Кто бы ни вылезал выступать, это было бесполезно. А самая страшная история была, когда однажды я стал свидетелем и участником самой настоящей массовой истерии. Был общественный просмотр новой цирковой программы. Никто еще не знал Никулина. Ни фильмов не было, ни его программ. Отскакали наездники. «Ну, кто хочет быть артистом?» Вытаскивают из зала человека в замас-

Владимир Этуш

Григорий Горин

Семья Никулиных

ленным бушлате, в замызганной кофте, из которой торчит тельняшка. Сломанный козырек на мичманке, кирзовые сапоги. И когда выпило ЭТО и начало в ушах смотреть на амфитеатр, зал потихоньку начал хрюкать. Потом что такого — лица, глаз — просто быть не могло. А женщина, которая сидела с ним рядом, с авоськой с колбасой и апельсинами, говорит: «Куда пошел? Иди сюда. Также мне, артист». Это была Юрина жена Татьяна, которую тоже никто еще не знал. А дальше началось... Наездники его подсаживают на лошадь, он, конечно, переваливается, падает лицом в опилки. Как он их вынимал, как складывал куда-то, как начал долго рассматривать и жевать задумчиво. Хрюканье перешло в массовую истерику. Напротив меня в ложе сидел Михаил Иванович Жаров. Он стал филологом, он хрюпел, он выпал из ложи, его затаскивали обратно, а он почему-то показывал всему цирку на Никулина: «Ва-а, ва-а, ва-а» — будто того никто не видел. И как бывает во время такого грохота, вдруг вопишь секунду засмеялся. Здесь сидит режиссер, которому я должна быть благодарна, что мы с Ю.В. составили лучшую любовную пару 75-го года. В фильме Германа «20 дней без войны». Город Джамбул, зима, минус 38 градусов, съемочный вагон 42-го года и спальный, где мы жили. Выходим в коридор, где стоял человек с трубой. Ю.В. и тут же второй анекдот. «Едет в тесном троллейбусе мужчина с трубкой во рту. Его прижал к женщине, у которой в руках карликовая собачка. Мужчина шумно сопит, сосет свою трубку. Женщина ворочит нос: «Прекратите курить!» Он: «Я не курю. У меня привычка такую сосать трубку. Вы лучше вашу собачку уберите куда подальше». Слово за слово, начинается ссора, которая кончается тем, что она вырывает его трубку и бросает ее в окно, он вырывает эту собачку, тоже бросает в окно. А сопение продолжается, но за окном. Троллейбус останавливается, все выходит и видит, что бежит собачка, а в зубах у нее... — булка из первого анекдота». Тогда у меня просто шок был от самого типа мышления, и Никулин состоялся для меня как человек с каким-то дополнительным измерением.

Александр МИТТА:

— Наверное, я был одним из первых режиссеров, который снял Юрия Владимировича. Это был мой дипломный фильм вместе с Алексеем Салтыковым «Друг мой Колька». Потом у меня был запал снять цирковую картину, и я на долгие по вечерам поселился в цирке, в их с Татьяной артистическом номере. Там все время чего-то вкусное готовили, много болтали — счастливые времена — по плану ничем не закончились. Потом Юрий Владимирович стал известным актером, а меня после картины «Гори, гори, моя звезда» послали режиссировать на какой-нибудь безобидной детской картине. И я придумал, как его туда затащить. Никулин был естественно-правильным человеком. У него были нормальные приоритеты — семья и работа. Таня и ребенок имели непреклонное первое место. Я сказал: «Я беру тебя в картину всей семьей». И он сломался. Еще помню, как мы после какого-то спектакля ехали с ним ко мне домой. Никулин торо-

В Гостиную «ОГ» на 75-летие Никулина

Людмила Гурченко

уже с другим соавтором, Леной Парфеновой, и Юрий Владимирович, долго тряс Парфенову руку, говорил: «Какая замечательная у вас книжка. Спасибо, что вы мне ее подарили». Вот таким — из первого анекдота — я и остался в памяти Юрия Владимировича. И хотелось бы все это подытожить общей сентенцией. У нас часто путают две мысли: «О покойниках только хорошо». И — «Хорошо только о покойниках». Хотелось бы, чтобы таких редких исключений, как в случае с Никулиным, у нас было побольше.

Андрей КНЫШЕВ:

— Для меня Никулин начался с какого-то шестидесяти дремучего года, когда я по телевизору увидел его рассказывающим анекдот. Он говорил: «У меня два анекдота. Один — абстрактный. Идет женщина по улице, у нее белый батыл в авоське. Вдруг она поскользывается, батыл падает в грязь. Встает, отряхивается, идет дальше. Ей говорят: «Что же вы хлеб бросили, не стыдно?» Она: «Извините, у меня язва, а черный хлеб не ем». И тут же второй анекдот. «Едет в тесном троллейбусе мужчина с трубкой во рту. Его прижал к женщине, у которой в руках карликовая собачка. Мужчина шумно сопит, сосет свою трубку. Женщина ворочит нос: «Прекратите курить!» Он: «Я не курю. У меня привычка такую сосать трубку. Вы лучше вашу собачку уберите куда подальше». Слово за слово, начинается ссора, которая кончается тем, что она вырывает его трубку и бросает ее в окно, он вырывает эту собачку, тоже бросает в окно. А сопение продолжается, но за окном. Троллейбус останавливается, все выходит и видит, что бежит собачка, а в зубах у нее... — булка из первого анекдота». Тогда у меня просто шок был от самого типа мышления, и Никулин состоялся для меня как человек с каким-то дополнительным измерением.

И была очень памятная личная встреча. Я был втянут в проект «Старые песни о главном», писал какие-то смешные слова и вдруг оказался в кабинете у Юрия Владимировича, сбивчиво рассказывая, как и что он должен играть и как все будет замечательно. Он, упершись рукой в щеку, посмотрел на меня совершенно бездонным взглядом и сказал: «Все — чужь собачка». На этой высокой оценке мы и расстались, я ему оставил на прощанье свою книжку. Потом Костя Эрнст пошел к нему

будем играть: сила, лека? Подхожу к Герману: «Будьте любезны, можно обратиться к Парфенову, у него есть книга. Как-то замечательная у вас книжка. Спасибо, что вы мне ее подарили». Вот таким — из первого анекдота — я и остался в памяти Юрия Владимировича. И хотелось бы все это подытожить общей сентенцией. У нас часто путают две мысли: «О покойниках только хорошо». И — «Хорошо только о покойниках». Хотелось бы, чтобы таких редких исключений, как в случае с Никулиным, у нас было побольше.

Людмила ГУРЧЕНКО:

— Не знаю, когда была картина Саши Митты, но первая картина Ю.В. была в нашу группу, молодой был, смешной, ну, клоун — я подумала: идиот, наверное. И тут же он сделал что-то гениально-эксцентрично. Все замерли и через секунду засмеялись. Здесь сидит режиссер, которому я должна быть благодарна, что мы с Ю.В. составили лучшую любовную пару 75-го года. В фильме Германа «20 дней без войны». Город Джамбул, зима, минус 38 градусов, съемочный вагон 42-го года и спальный, где мы жили. Выходим в коридор, где стоял человек с трубой. Ю.В. и тут же второй анекдот. «Едет в тесном троллейбусе мужчина с трубкой во рту. Его прижал к женщине, у которой в руках карликовая собачка. Мужчина шумно сопит, сосет свою трубку. Женщина ворочит нос: «Прекратите курить!» Он: «Я не курю. У меня привычка такую сосать трубку. Вы лучше вашу собачку уберите куда подальше». Слово за слово, начинается ссора, которая кончается тем, что она вырывает его трубку и бросает ее в окно, он вырывает эту собачку, тоже бросает в окно. А сопение продолжается, но за окном. Троллейбус останавливается, все выходит и видит, что бежит собачка, а в зубах у нее... — булка из первого анекдота». Тогда у меня просто шок был от самого типа мышления, и Никулин состоялся для меня как человек с каким-то дополнительным измерением.

уже с другим соавтором, Леной Парфеновой, и Юрий Владимирович, долго тряс Парфенову руку, говорил: «Какая замечательная у вас книжка. Спасибо, что вы мне ее подарили». Вот таким — из первого анекдота — я и остался в памяти Юрия Владимировича. И хотелось бы все это подытожить общей сентенцией. У нас часто путают две мысли: «О покойниках только хорошо». И — «Хорошо только о покойниках». Хотелось бы, чтобы таких редких исключений, как в случае с Никулиным, у нас было побольше.

Лев Дуров

Алексей Герман

Алексей Баталов

Сергей Никитин исполняет любимые песни Никулина

будем играть: сила, лека? Подхожу к Герману: «Будьте любезны, можно обратиться к Парфенову, у него есть книга. Как-то замечательная у вас книжка. Спасибо, что вы мне ее подарили». Вот таким — из первого анекдота — я и остался в памяти Юрия Владимировича. И хотелось бы все это подытожить общей сентенцией. У нас часто путают две мысли: «О покойниках только хорошо». И — «Хорошо только о покойниках». Хотелось бы, чтобы таких редких исключений, как в случае с Никулиным, у нас было побольше.

Алексей GERMAN:

— Люся очень смешно рассказывала и дико похоже. Я сам вдруг все это увидел. К этим проклятым вагонам, где мы жили, принципал вагон-ресторан, и для директора ресторана это была полная трагедия. Представляете, Джамбул, какие там деньги крутятся, а тут артисты, со своими копейками. У него висел здоровый портрет Сталина. Я когда пришел, говорю: «Сталина убрать!» А я ему до фонаря: «Почему я должен его убирать?» — «Сталина убрать, иначе мы вас отцепим и пришлем другой вагон». — «Ну и отцепляйте». В общем, скандал. Спасла ситуацию Люся, которую этот человек увидел, потерял голову на все время экспедиции, Сталина убрали. Наутро пришел Никулин есть свою яичницу. Поел и говорит: «А при Сталине кормили лучше».

Юрия Владимировича мы очень любили, но дружки как-то не зацепились. Дружил он с писателем Меттерером в Ленинграде. Как-то мы со Светланой, женой, заехали к нему. Около дома стоят четыре такси. Понятно, что не к Меттереру, наверное, какая-то свадьба.

Поднимаемся, Никулин спускается с хозяином вниз. Оказывается, все четыре машины приехали за Юрием Владимировичем. Таки тогда было не достать, и он, вызывая, сказал, кто он такой. Приехали два таксиста, пережавшие разговор, посмотреть на Никулина, а это уже ночь глубокая. И приехали диспетчерша, не поверившая, что это Никулин, разоблачать самозванца. Когда мы снимали фильм, Юрий Владимирович писал с журналистом свою книжку, так что сами понимаем, какая была подготовка к съемкам... Книжка вышла, он нам ее подарил, мы со Светланой прочли и решили попробовать сделать фильм. Позвонили ему, а он достаточно сухо отреагировал, так что я даже подумал, что он сам хочет это снимать, и отошел в сторону. Мы стали снимать «Лапшина». Жаль, что он остался в кино недораскрученным. Вспомните, как он потрясающе сыграл в «Андре Рублеве». Там бездна залезла. Товстоногов говорил: «Учитель, Леша, артист, способный к цирку, это — артист. Артист, не способный к цирку, это не артист». Я рад, что снимал его, что был Ташкент и толпы узбеков, которые, как молитву, повторяли одно слово: «Никули-и-и, Никули-и-и, Никули-и-и...» И хорошо, что что-то осталось на пленочке.

Алексей БАТАЛОВ:

— Даже когда я приходил к Никулину в кабинет и спрашивал: «Как ты?» — он отвечал, стоя у окна: «Плохо. Тут плохо, там плохо», — мне казалось, что даже тогда он сохранил главное посетившее его ощущение: война кончилась победой, и он — живой. И перед этим бесценным даром все маленькие и большие невзгоды — ерунда. Главное, это долг перед людьми, которые не вернулись, и его взаимоотношения с ними, которые остались. Помню, когда они встречались — Гердт, Никулин, улыбающийся Петя Тодоровский, — в них была невероятная тайна, и эта тайна была преодоленная смерть. Помню, уходящим какого-нибудь большого приема, Юра начинает расхихикав тебе и себе по карманам яблоки, бутылки, бутерброды. Есть такая актерская игра, когда выпивают карманы, чтобы соусы не протекали — кто больше унесет. Все бы и ничего, если бы рассказ тут и кончался. Но мы выходим, и стоит женщина на улице, он вынимает яблоко и отдает ей. Доходим до следующего человека, в ход идет мое яблоко. Вдруг я понимаю, что все эти карманы — не для меня, они на самом деле для других людей. Да, Юри нет. Но он был — и он остался.

Григорий ГОРИН:

— Я был не прав, если бы не рассказал два эпизода в «Никулинскую копилку», которую мы собираем. Один про то, как Никулин предотвратил всплеск антисемитизма. Мы были в Иерусалиме: лето, жуткая жара, а там его слава не меньше, чем в Ташкенте или в Тбилиси. Люди отворачивались от храмов и шли к нему за автографом. Он говорит: «Я чего-то подустал». Я за-чем-то: «Юра, наберись сил. Надо посмотреть Стену Плача и Гроб Господень». — «Ох, мне чего-то нехорошо». — «Ну, давай не пойдем». — «Нет, пойдем». Идем к Стене Плача, я надеваю кипу. Юра в белой капитанской фуражке. Подошли, я ему все объяснил, положил записочку, вдруг он говорит: «Мне чего-то нехорошо». И стал снимать фуражку. Бежит охрана и начинает объяснять на иврите, который мы не знаем, что это нельзя, надо надеть. «Скажи им, что мне нехорошо, жарко». Нельзя. «Мне нехорошо, я са-жусь». Сидеть тоже нельзя. Он: «Все, Гришка, кажется, сейчас умру». — «Нельзя». Он: «Почему?» — «Начнут-ся погромы». Он хмыкнул. Какие-то жизненные силы в него вернулись, мы вышли. Подошли автобус, он туда сел. Я, дурак, говорю теперь с христианской стороны: «А Гроб Господень?» Он говорит: «Не дойду». Но все-таки пошли. Там огромнейшая очередь. Я говорю сопровождающему: «Нехорошо, если он в кои-то веки не прикоснется к Гробу Господню». Тот бросается к очереди и начинает что-то говорить. Они все смотрят на Никулина, и тут происходит почти библейское чудо — никогда никого ни к Мавзолею, ни к Гробу Господню без очереди не пускали, а тут очередь расступается, и мы проходим к Гробу Господню. Спрашиваю сопровождающего: «Что ты им сказал?» — «Я долго объяснял, что это очень важный человек, они не понимали. Тогда я сказал, что это — президент России. На что один американец ответил: не морочьте голову, мы знаем, что президент России — Ельцин. Тогда я сказал: «Ельцин — на четыре года. А этот — навсегда». Что абсолютно верно.

Из тысячи анекдотов Никулина я люблю больше всего один — философский и нежный. В аквариуме плавают две интеллигентные рыбки. Вдруг одна к другой подплывает и говорит: «Ты говоришь, Бога нет. А кто нам поведатьникам меняет воду?» Никулин как раз и был из тех богов, что менял нам воду.

Максим НИКУЛИН:

— Я слушал с огромной теплотой всех, кто сегодня говорил, потому что прекрасно знаю всех с детства. Может, только с Алексеем Германом мы не были так знакомы, но я прекрасно знал его по рассказам отца. А когда он пришел первый раз к нам на Бронную, я очень удивился, потому что представлял себе жуткого садиста, а тут вроде совершенно нормальный человек. Я уже был достаточно взрослым, работал на радио корреспондентом, прихожу поздно вечером домой, мама говорит: «Иди прогуляй собачку и вытати Никулина от Пляты, они там уже три часа анекдоты рассказывают». Я спускаюсь, там сидят Плята, Никулин, Галя Кожухова, пьют коньяк, рассказывают анекдоты. Я сел, тоже стал слушать. Галя говорит: «Мужики, сейчас придет Петренко домой, надо ему что-нибудь приготовить поесть, выпить, и он нам тоже что-то расскажет». И вот все зимой, в холод идет встречать Петренко, который стоит без ключа у двери и говорит какие-то слова. Все продолжается на новом витке, я смотрю: третий час ночи. Народные артисты раздухарились, я начинаю их немножко собирать, в четвертом часу выхожу. Когда мы подошли к дому, нас встретили мама, одетая в дубленку на пиджаке. На них она вовек не посмотрела, а меня смерила взглядом, как плевок: «Как тебе не стыдно! С тобой же собака...»

Я хотел сначала всем сказать спасибо за то, что пришли, а потом вспомнил, как в одном из романов Шенфера описывается некое будущее и герой говорит: «В наше время не было принято благодарить за услугу. Потому что если А. благодарит Б. за что-то, он как бы подозревает, что тот мог поступить и иначе». Поэтому я не говорю «спасибо». Я просто хочу сказать, что я вас очень люблю.

Подготовил
Игорь ШЕВЕЛЕВ

Фото

**Сергей ЗОНИЧЕВА,
ЮРИЯ ПАРШИНЦЕВА И
МИХАИЛА КЛИМЕНТЬЕВА**

«Общая газета» благодарит благотворительный фонд Ю.В. Никулина «Цирк и милосердие», Музей им. Ю.В. Никулина, открывшийся 16 декабря по адресу Маросейка, д. 7/8, художницу Елену Сапожкову, чьи живописные портреты артиста украшали «Московскую гостиницу» наряду со смешными рисунками самого Никулина, а также Сергея Никитина, исполнившего и аккомпанировавшего любимым песням Юрия Владимировича, прозвучавшим в этот вечер, фирму «Кнакер» и ее представителей Романа Захарова и Александра Качановского за предоставленное освещение.